

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-694-707
EDN: MCMOVK

Научная статья

Культурное пограничье в постсоветских русскоязычных текстах казахстанских писателей

И.И. Яценко , А.В. Яценко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27
 irinayat@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена общая тенденция, проявляющаяся в текстах русскоязычных писателей Казахстана двух последних десятилетий: осмысление недавнего советского прошлого в контексте национальной традиции и самоидентификация сегодняшних казахстанцев. В связи с этим отобраны и проанализированы рассказы девяти современных казахстанских авторов: А. Сахариева, Р. Кунбаева, Г. Доронина, Н. Черновой, Б. Канапьянова, С. Назаровой, А. Омар, И. Одегова, Е. Клепиковой. В данных текстах выявлены признаки локального казахстанского текста, в котором сосуществуют и конкурируют между собой паттерны, фиксирующие, с одной стороны, национальную, казахскую, картину мира, с другой — советские реалии. Целью анализа текстов явилось выяснение результатов «диалога» культур (традиционной / казахской и советской). Приводит ли этот «диалог» к стиранию культурного пограничья или же есть зоны абсолютного несовпадения, противостояния национального и советского? Исследование текстов продемонстрировало устойчивость паттернов, отражающих национальную картину мира казахов: традиционная культура отношений между людьми, традиционный быт, нравы, сила верований, мифология. Паттерны, демонстрирующие привнесённое, советское, в жизнь страны, как правило, свидетельствуют о лишь частичном принятии этого нового и отторжении того, что было навязано республике и причинило ей вред (например, Семипалатинский полигон). Особую нагрузку несет противопоставление паттернов *город* и *деревня / аул*, которое имеет мало общего с противостоянием города и деревни в прозе писателей-деревенщиков. В анализируемых рассказах это именно советский город, какой можно было найти в любой республике, входящей в СССР, а деревня — именно казахский аул с его устоявшимися нормами существования. В результате исследования текстов был сделан вывод о том, что данные рассказы отражают реальную тенденцию в развитии современного суверенного Казахстана: избавление от советского диктата и возврат к традиционным ценностям.

Ключевые слова: локальный текст, казахстанский локальный текст, паттерны локального текста, культурное пограничье, современная русскоязычная проза Казахстана

История статьи: поступила в редакцию 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

© Яценко И.И., Яценко А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Яценко И.И., Яценко А.В. Культурное пограничье в постсоветских русскоязычных текстах казахстанских писателей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>

Research Article

Cultural Boundaries in Post-Soviet Russian-Language Texts of Kazakhstan’s Writers

Irina I. Yatsenko , Antonina V. Yatsenko

Lomonosov Moscow State University,
27 Lomonosov prospect, Moscow, 119991, Russian Federation
 irinayat@mail.ru

Abstract. Within the latest decades a general trend has been manifested in the texts of the Russian-speaking writers of Kazakhstan: a comprehensive rethinking of the recent Soviet past in the context of national tradition and self-identification Kazakhstan’s people today. To study and analyze this trend, the stories of the following nine modern Kazakhstani authors were thoroughly selected: A. Sakhariev, R. Kunbaev, G. Doronin, N. Chernova, B. Kanapyanov, S. Nazarova, A. Omar, I. Odegov, and E. Klepikova. The signs of a local Kazakh text are revealed in the writings of these authors, where the patterns coexist and compete with each other, thus fixing the unique national Kazakh picture of the world, on the one hand, and the Soviet realities, on the other one. The analysis of the texts was aimed to clarify the outcomes of the cultural “dialogue” between traditional, deeply existential Kazakh culture and the imposed one — initially Russian, then the Soviet culture. Thus, the main question reads as follows: does this “dialogue” lead to the obliteration of the cultural boundary, or are there any zones of absolute non-coincidence and, perhaps, confrontation between the national and the Soviet? The study of the texts has demonstrated the stable patterns that reflect the entrenched national picture of the Kazakhstani world: the traditional cultural relationships between people, a customary and ritualized way of life, manners and customs, the strength of beliefs, and mythology. The patterns that demonstrate the Soviet features imposed on the life of Kazakhstan, as a rule, indicate only a partial acceptance of such novelty and rejection of what was imposed and harmed the republic (e. g. the Semipalatinsk tests polygon). The contrast and compare between the patterns of city and village / aul that has little in common with the contrast between the city and the countryside in the prose of Russian village writers, bears a special context load. The analysis of the stories showed that it is precisely the Soviet city that could be found in any republic of the ex-USSR, whereas any Kazakhstan’s countryside is precisely the Kazakh aul with its established unique rituals and norms of existence. As a result of the texts study, it has been concluded that these stories reflect a real trend in the development of sovereign Kazakhstan: to do away with the Soviet order and return to traditional values.

Key words: local text, Kazakh local text, the patterns of local text, cultural boundary, modern Russian-language prose of Kazakhstan

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Yatsenko, I.I., and A.V. Yatsenko. 2023. “Cultural Boundaries in Post-Soviet Russian-Language Texts of Kazakhstan’s Writers”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 694–707. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-694-707>

Введение

В советской культуре с середины 1950-х гг. весьма определенно наметился курс на «новый и странный для СССР художественный либерализм» [1. С. 389], проявившийся в ее интернационализации. Шло активное создание многонациональной советской культуры, где были бы представлены не только 15 союзных республик, но и многие довольно малочисленные автохтонные народности, как, например, чукчи (по данным Всероссийской переписи населения 1970 г., 13 500 человек) или нивхи, проживающие в Приамурье и на острове Сахалин (4 356 человек, 1970 г.), представителями которых в советской литературе стали чукотский писатель Ю.С. Рытхэу и первый нивхский писатель В.М. Санги. Можно по-разному относиться к этому процессу, но одно бесспорно: представители национальных культур получили официальное и поощряемое государством право говорить о своей истории, быте, верованиях и мифологии, о своей картине мира, которая до них была закрыта для внешнего мира.

В отличие от национальных литератур малочисленных народов, литература Казахстана имеет глубокую историю — от эпосов общетюркской литературы, от первых письменных текстов XVI в. к уверенному диалогу казахских писателей с европейской и русской литературой в XIX в. Однако очевидное сближение казахской литературы с русской литературой происходит уже в XX в., особенно в советский период. Многие казахские писатели в равной степени пропагандировали и национальное, и советскую идеологию (например, творчество Джамбула Джабаева).

Следует отметить, что история вхождения Казахстана в состав России была длительна, многособытийна и однозначно не может быть определена как колонизация. Тем не менее сложно отрицать русскую экспансию в сфере национальной культуры (быт, традиции, язык, нормы жизни и т.д.). Она продолжилась и в советский период и привела к общему для всех культур в составе СССР «советскому глобализму» [1. С. 394]. После распада СССР и обретения Казахстаном статуса независимого государства советский дискурс, конечно, не исчез, но в настоящее время идет интенсивный процесс самоидентификации народов Казахстана, где уникально сочетаются культуры разных этносов, среди которых все же доминируют казахи (более 70,4 %, по переписи 2021 г.).

Великая степь (природный регион в центре Евразии, игравший системообразующую роль) породила цивилизацию степняков, которую отличают

степные традиции, кочевой образ жизни, верования, особенности мировоззрения, мифология, коллективизм и др. Насколько сохранилось все это сегодня, каковы последствия взаимодействия традиционного уклада с другой, неблизкой, культурой? Ответы на эти вопросы дают русскоязычные писатели Казахстана в своих рассказах последних десятилетий. Для обоснования этого утверждения мы обратились к текстам девяти авторов, которые вошли в готовящуюся к печати хрестоматию «Современный русскоязычный рассказ Казахстана» (для студентов бакалавриата по направлению «Филология» Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова), составленную под руководством доктора филологических наук профессора Г.И. Власовой. Это рассказы «Блаженный» А. Сахариева, «Старик и его выбор» Р. Кунбаева, «За хлебом» Б. Канапьянова, «День рождения» Г. Доронина, «Овца» И. Одегова, «Кунсулу» Н. Черновой, «Горбушка» Е. Клепиковой, «Мой зеленоглазый аруах» С. Назаровой, «Французский берет» А. Омар. Все рассказы относятся к началу XXI в., когда в уже независимом Казахстане появилась возможность осмысления и вчерашней истории, и тех перемен, которые переживает страна в настоящий момент.

Эти рассказы представляются нам интересными в аспекте рассматриваемой темы, поскольку в каждом из них в той или иной мере присутствует казахстанский локальный текст, в рамках которого вступают в диалог паттерны национальной, казахской, культуры и паттерны культуры советской. Целью исследования является выяснение результатов этого диалога, в котором нам видится взаимовлияние двух далеких друг от друга культур: приводит ли он к стиранию культурного пограничья или же есть зоны абсолютного несовпадения и даже, может быть, противостояния национального и советского?

Обсуждение

«Под термином „культурное пограничье“ понимают особые контактные зоны, в которых мы наблюдаем взаимодействие, встречу культур и которые отличаются особой социокультурной динамикой» [2. С. 110]. Проблему культурного пограничья исследовали М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев, В.С. Библер и др.

Тартуско-московской семиотической школе (в частности Ю.М. Лотману и В.Н. Топорову) современная наука обязана и началом исследования так называемых локальных текстов. Под влиянием анализа петербургского и московского локальных текстов началась активная разработка текстов, связанных с другими городами (таллинский, коломенский, калининградский, лондонский, алма-атинский, ташкентский, пражский и т.п.). В настоящее время локальный текст востребован как объект изучения и литературоведением, и культурологией. Давая определение понятию «локальный текст», сошлемся

на Э.Ф. Шафранскую, которая аккумулировала представления об этом явлении ученых-предшественников (прежде всего В.Н. Топорова [3]). Локальный текст — это «совокупность представлений о месте, деталях этого места, языке, фольклоре, мифологии, людях — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками» [4. С. 19]. Складываются эти представления благодаря паттернам, т.е. регулярно повторяющимся образам, которые в совокупности характеризуют тот или иной локус, запечатленный в тексте (о паттернах см.: [4; 5]).

По мере разработки локальных текстов исследователи пришли к мнению о том, что «локальный текст может иметь не только городское выражение, но и более расширительное, может быть связан с краем, даже страной» [6. С. 16], например, туркестанский текст. Полностью разделяя это мнение, мы квалифицируем как локальный казахстанский текст, в котором идет непрерывный диалог между традиционным укладом жизни, национальной картиной мира и тем, что было привнесено советским образом жизни.

Обращаясь к русскоязычной прозе казахстанских писателей, мы понимали, что имеем дело с ситуацией билингвизма: это, во-первых, билингвизм, а, возможно, и полилингвизм авторов и, во-вторых, билингвизм текстового материала. Билингвизм рассматриваемых текстов близок по характеру билингвизму туркестанского текста, который «рождался в билингвальной атмосфере — русской и тюркоязычной: слова и понятия для обозначения среднеазиатских арте- и ментефактов входили в русскую культуру постепенно... Впоследствии, будучи растиражированными, они становились сводом стереотипов о месте, или собственно локальным текстом» [7. С. 190]. Однако в нашем случае речь пойдет не столько о языке (как паттерне локального текста), сколько о билингвизме культуры, носителями которой являются многие герои рассказов казахстанских авторов.

В анализируемых рассказах паттерны, представляющие казахские реалии, явно доминируют над паттернами, связанными с реалиями советскими, что неудивительно, ведь все описываемые события происходят на казахской земле и с казахами. Перечислим основные из них:

– паттерны, представляющие разнообразные этнографические детали, традиционный казахский быт: аул, мазанка, дастархан (праздничный стол), отара, асык (овечья кость, которую использовали для игр и гаданий), камча (плеть, кнут), чабан, кесе (пиала), джайляу (летнее пастбище для скота);

– катойконимы и другие номинации жителей Казахстана: адаец (Адай — название одного из родов Младшего жуза); «Мангыстауский я, ата»¹ (Мангыстауская область на Юго-Западе Казахстана), ата (с казахского переводится как 'дед' (предок), редко — 'отец', при употреблении после имени мужчины, обыч-

¹ Кунбаев Р.Н. Старик и его выбор. Рассказ // Proza.kz. URL: http://proza.kz/ru/profile/raimberde_kunbaev.9254/about (дата обращения: 15.12.2017).

но старшего, выражает уважение обращающегося к нему); Келимберди, Жайылган (внутреннее деление рода Адай); берши (один из родов казахов Младшего жуза), степняки густо-коричневого цвета: «На взгляд белых европейцев ... степняки все на одно лицо, и уж, конечно, некрасивы. Есть у европейцев такая спесь!»²; ажешка, аташка (бабушка, дедушка);

– топонимы и детали ландшафта: Урал, Чаган, Уральск, Актобе; горы, ущелья, барханы — на юге страны; на севере Казахстана — «степь плоская, ровная, то зеленая от свежей травы, то красная от тюльпанов и маков, а то сияющая и белоснежная аж до рези в глазах»³; афганец (сухой ветер с песком и пылью), карагач (дерево), белый цветок адраспана;

– национальная кухня: курт, кумыс, казы, сурпа, каймак, бешбармак, овечий сыр, поминальное мясо, куырдак (традиционное жаркое из мяса и лука), таро (жареное очищенное просо), иримшик (полутвердый сыр) и др.;

– нравы: барымта — кража скота, «промысел в степи древний и опасный»⁴, барымтыч (тот, кто занимается барымтой), мамбет, мамбетка (оскорбительное прозвище выходцев из сельской местности), почитание учителя: «сын учителя» — обращение к маленькому мальчику, демонстрирующее расположение к нему⁵, уважение к старшим: «я протянул обе руки, чтобы поздороваться»⁶; «повстречали несколько стариков, с каждым из которых отец поздоровался, протягивая две руки»⁷; добрососедство и коллективизм: «Аул — это, по сути, большая семья»⁸;

– духовная жизнь: намаз, дарет (омовение перед намазом), аср (послеполуденный намаз), мечеть, мулла, хадж — паломничество в Мекку, сура, наурыз (праздник весеннего обновления), шайтан (злой дух), аруах (дух умершего человека).

Совместная с Россией история началась для казахов с признания ими российского протектората в XVIII в. Тогда же началась русификация, а в XX в. и советизация Казахстана. «Советский глобализм» запечатлен во многих из избранных нами текстов посредством соответствующих паттернов:

– годонимы (названия улиц): ул. Первого мая, ул. Розы Люксембург, ул. Карла Либкнехта, ул. М.Горького, ул. Космонавтов (весьма традиционный набор номинаций, который можно было обнаружить в самых разных населенных пунктах СССР) — и эргонимы: кинотеатр «Ударник», кинотеатр «Колос», завод имени Кирова;

² Чернова Н. Кунсулу // Простор. 2016. № 10. С. 77.

³ Одегов И.А. Овца // Дружба народов. 2013. № 10. С. 54.

⁴ Чернова Н. Там же. С. 77.

⁵ Канапьянов Б. За хлебом // Мегалог. 2010. № 3. С.240.

⁶ Кунбаев Р.Н. Старик и его выбор. Рассказ // Proza.kz. URL: http://proza.kz/ru/profile/raimberde_kunbaev.9254/about (дата обращения: 15.12.2017).

⁷ Канапьянов Б. Там же. С. 240.

⁸ Назарова С. Мой зеленоглазый аруах // Отчий край. 2014. № 4 (84). С. 124.

– приметы советской идеологии во внешней атрибутике, и в поведении людей: Первого мая «на воротах мечети развевается красный флаг»⁹.

Героиня рассказа Асели Омар «Французский берет», двенадцатилетняя девочка Токжан, стоит перед нелегким выбором: ее брат необоснованно арестован (1937 год!), он передает ей из тюрьмы письмо Калинин, которое просит отправить в Москву. Что же мешает ей сделать это? «Она была пионеркой и училась в седьмом классе русской средней школы»¹⁰. Какие образцы для подражания предлагались пионерам, общеизвестно. Если Павлик Морозов, согласно советскому пропагандистскому мифу, идет против отца-кулака и погибает, то Токжан, спасая брата, преодолевает страх и совершает поступок (отправляет письмо в Москву), который не мог бы быть одобрен советской идеологией. Иными словами, семейные ценности, сострадание к брату и жажда справедливости оказались выше, чем навязываемые идеологические нормы. Но быть совершенно свободной от *русской средней школы* девочке не удастся. Это становится очевидным, когда, радуясь освобождению брата, сестра Токжан «закружилась в русской присядке», и обе девочки побежали домой, «повторяя выученную недавно в школьном хоре песенку „Распрягайте, хлопцы, коней“...»¹¹. Казахские девочки обучены в школе танцевать русский танец, петь украинскую песню, в чем нет ничего дурного, и тем не менее первая, импульсивная реакция девочек свидетельствует о том, что национальная казахская культура остается за пределами программ русской школы. Экспансия советской культуры осуществляется даже через детские игрушки. Так, дети увлеченно играют на ксилофоне по прилагающейся к нему маленькой книжечке и радуются узнаваемым мелодиям: «Широка страна моя родная...», «Киевский вальс», «Катюша», «Варяг»¹².

Основную нагрузку в противостоянии казахского и советского в пространстве казахстанского локального текста несут паттерн «город» как воплощение советского начала и паттерны «деревня»/ «аул»/ «поселок», представляющие национальный, казахский, уклад жизни. Город символизирует торжество советского образа жизни, *деревня* — верность традиции, национальным корням. Город — это комфорт, кинотеатры, парки, развлечения. Город уже заражен подступающим консьюмеризмом, только в советском варианте, ведь свободно купить ничего нельзя: или «по благу», через знакомых (так мама героя из рассказа С. Назаровой «доставала» через подружку-продавщицу душистое импортное мыло, дефицитный сервелат, китайский сервис), или «отмечаясь ежемесячно в очередях за такими модными и почти недостижимыми синтетическими бельгийскими коврами», которые потом

⁹ Канапьянов Б. За хлебом // Мегалог. 2010. № 3. С. 240.

¹⁰ Омар Асель. Французский берет // Ранние холода. Рассказы. Астана: Аударма, 2007. С. 27.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Доронин Г. Казахстан в моей судьбе. URL: https://adebiportal.kz/ru/news/view/g-doronin-kazakhstan-v-moei-sudbe__23252 (дата обращения: 24.02.2023)

вывешивали на стены, «как мандат своей состоятельности и достигнутого благополучия». А вот «подаренные бабушкой корпешки» (одеяло на вате или шерсти с национальным казахским орнаментом, которое использовали как подстилку или подушку для сидения) «не стали главным украшением квартиры в те времена»¹³.

Приезд сельских жителей в город — это всегда для них потрясение, стресс и желание поскорее оттуда уехать. «Не воздух, а дым ... густой и плотный такой, что через него солнца не видно... дороги ужасные...»¹⁴. Все это видит и ощущает Рафиза, которая приехала в город к брату мужа с просьбой о помощи: ее муж пропал в горах. Рафизу поражают гигантские торгово-развлекательные центры, отсутствие детей на улицах и хмурые лица взрослых. («Плохо, значит, развлекают в этих центрах, раз лица у людей несчастные»¹⁵). Город демонстрирует масштаб социального расслоения, который неощутим в деревне: движение транспорта остановилось из-за кортежа автомобилей с сиренами и затемненными окнами, что вызывает раздражение людей, вынужденных ждать в переполненном душном автобусе.

Возможно, у них в стекла вмонтированы экраны, на которых мир прекрасен, — обращается в Рафизе сидящий рядом с ней седой мужчина. — А все это, — он кивнул в сторону окна, — видеть они просто не хотят¹⁶.

Власть и народ разделены и физически, и духовно.

Внешняя разруха проникает и в человека, приводит к утрате им эмпатии. Брат мужа Рафизы, который работает в органах, трепещет перед начальством, проявляет малодушие и равнодушие к судьбе брата, которому, очевидно, нужна помощь. Человек бездушной системы, он становится ее частью.

Что заставляло людей, обретших хоть какую-то власть, так за нее держаться, ставить во главу угла не служение людям, а свои карьерные цели? Ответ прост: принадлежность к номенклатуре, которая в обществе, декларирующем равенство, имела ряд привилегий. Они проявлялись в самых разных вещах, например при определении ребенка в детский сад. К садикам «районовским» по месту жительства относились граждане неуважительно — и дети там болеют чаще, и инвентарь там «хуже», и еда поуже... Особой группой стояли садик недоступные: Совмина, КГБ и МВД... Об этих садиках говорили с придыханием и почти нескрываемой завистью¹⁷. Паттерны «районовский садик», «ведомственный», «садик Сомина» — свидетельство социальной стратификации советского общества.

¹³ Назарова С. Мой зеленоглазый аруах // Отчий край. 2014. № 4 (84). С. 128.

¹⁴ Одегов И.А. Овца // Дружба народов. 2013. № 10. С. 60.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Клепикова Е. Горбушка // В городе яблок. Были и небыли. М. Издательские решения, 2016. С. 42.

Совсем другие паттерны представляют детство в деревне. И дело не только в чистом воздухе, просторе, свежем молоке и речке.

То, что я жил там с раннего детства, помогло мне усвоить как лучшую пищу песни наших аульных домбристов, застольное красноречие импровизаторов простого происхождения, бабушкину особую речь... И добрый тон семейных взаимоотношений моих ажешки и аташки, и простой уклад жизни терпеливых, не обеспокоенных ни карьерой, ни накоплением богатства хороших людей¹⁸.

В этой фразе — безусловное торжество и преимущество народных, национальных основ жизни казахского аула, где советская идеология и порождаемые ею реалии и отношения приживаются не так быстро, как в городе.

Ряд паттернов казахстанского текста связан с теми бедами, которые пришли на казахскую землю в советский период. Это Турксиб, Семипалатинский полигон, а также сталинские репрессии, косвенные упоминания о которых появляются в нескольких анализируемых текстах. В рассказе А. Сахариева «Блаженный» повествователь легализует народную молву о том, почему «люди на этой земле пошли не от мира сего...», почему чудаков в селе «до непристойного много». Причины назывались очевидные:

...ветер с Семипалатинского полигона гнал в наши края всякую заразу... а когда прокладывали железную дорогу, полегло здесь несметное количество строителей Турксиба¹⁹.

Однако вредоносность Семипалатинского полигона — это не миф, не легенда. Это ядерная трагедия Казахстана: на полигоне с 1949 до 1989 г. было проведено 473 ядерных взрыва. То, что жертвами испытаний стали жители прилегающих населенных пунктов, было подтверждено в 1992 г. комплексной экспедицией Института биофизики Минздрава СССР. В Казахстане был принят закон о реабилитации населения, пострадавшего от ядерных испытаний, а первым указом президента суверенного Казахстана стал указ о закрытии Семипалатинского полигона. Однако и сейчас, хотя после ликвидации полигона прошло более 30 лет, отдаленные последствия все еще изучаются.

Вместе с тем обширная территория Казахстана нашла в советское время и иное применение: она стала частью «архипелага ГУЛАГ». На территории одной только республики действовало 11 сталинских лагерей, среди которых и такие печально известные, как АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины) и один из крупнейших в СССР Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь). Нужно отдать должное политике властей

¹⁸ Назарова С. Мой зеленоглазый аруах // Отчий край. 2014. № 4 (84). С. 132.

¹⁹ Сахариев А.К. Блаженный // Нева. 2015. Вып. 12. С. 68.

Казахстана, которые инициировали и поддерживали создание мемориалов на местах лагерей в память о сотнях тысяч жертв сталинского режима.

В основе сюжета рассказа Асели Омар «Французский берет»²⁰ – арест Ислама Кенжегалиева, молодого сотрудника райисполкома, куратора районной газеты, где «наборщик, подслеповатый пожилой человек», допустил техническую ошибку, в результате которой по отношению к имени Сталина было использовано слово «отравленный» вместо «великий». Ситуация разрешилась на удивление благополучно (в результате заступничества Калинина), и теперь, по прошествии лет, у Ислама семья, трое детей. При всей фантастичности сюжета подтекст очевиден: перед сколькими нерожденными детьми должна быть ответственна репрессивная машина сталинского режима.

А вот достаточно типичная судьба девочки, дочки офицера:

Наташкин отец не пришел с фронта, а ее мать совсем недавно вернулась с Севера, где была много лет, а Наташка воспитывалась в детдоме, и у них в доме «куска лишнего нет»²¹.

Сосуществование (причем не всегда согласие — порой конкуренция), в рамках казахстанского текста паттернов «казахских» и «советских» — это своего рода соперничество в борьбе за человека, ведь в конечном итоге именно человеку решать, что предпочтительнее, что нужнее. Герои русскоязычных казахстанских писателей не бесстрастны, они чутки, восприимчивы к происходящему и не скрывают своего отношения к нему. Они чувствуют фальшь официальной идеологии, жизнерадостно рапортующей о всеобщем советском благополучии.

«Говорили по телевизору, что прошла мирная забастовка, а вон Кудайберген-ага сына своего после этой забастовки уже две недели найти не может... А по телевизору все неправда, нельзя верить новостям», — так рассуждает Рафиза, героиня рассказа И. Одегова «Овца»²².

Правда, осмысление сути происходящего нередко приходит к людям гораздо позже. Так, повествователь в рассказе Г. Доронина «День рождения»²³ вспоминает километровые очереди у хлебного магазина на Советской улице. Тогда никому и в голову не приходило, что название улицы и бесконечная очередь вполне символичны, что одно породило другое. Он же размышляет и о том, что для них, детей советского Казахстана, стояло за словами «Родина», «Отечество», «Держава»: «высокий слог был в учебниках, в устах лекторов, на первых страницах газет. Для нас родиной был Урал, таинственный лес над яром, улица Маншук Маметовой, родная школа номер пять...

²⁰ Омар Асель. Французский берет... С. 25–30.

²¹ Доронин Г. Казахстан в моей судьбе. URL: https://adebiportal.kz/ru/news/view/g-doronin-kazakhstan-v-moei-sudbe__23252 (дата обращения: 24.12.2023 г.).

²² Одегов И.А. Овца // Дружба народов. 2013. № 10. С. 52.

²³ Доронин Г. Там же.

мои друзья, мои с поцарапанными коленками товарищи». И в этом тоже было сопротивление лицемерию официоза, независимо от того, что это все не формулировалось, а существовало в ощущениях и предчувствиях.

Между тем соприкосновение национальной казахской культуры и культур пришлых давало и позитивные плоды. Но происходило оно не под воздействием сверху. Так, провозглашаемый советский интернационализм имел мало общего с естественным интернационализмом людей, которых свела на казахстанской земле драматичная история XX в. «Жизнь была небогатой и трудной», как вспоминает рассказчик из «Дня рождения» Г. Доронина. Тем более взрослым хотелось превратить день рождения ребенка в запоминающийся праздник. И тогда все соседи старались, как могли, внести свою лепту в праздничный стол. Это и фаршированная рыба, и хинкали, и ватрушка с творогом, и пирожки с толчеными грецкими орехами в меде (пусть всего два или три) и, конечно, куырдак, каймак, баурсаки. Этот набор блюд — свидетельство не столько национальной принадлежности живущих рядом людей, сколько их добрососедства, открытости и расположенности друг к другу. Наблюдая, как дети «в десять рук» играют на подаренном имениннику ксилофоне, кто-то из взрослых сказал:

«Мы и живем так — сообща... И в голод выживали вместе, и в войну выдюжили заодно... Последним куском делились... Раньше-то в этом дворе три семьи жили, а во время войны и с Украины, и с Беларуси приехали... С Кавказа... А сколько из Ленинграда!.. Многие так и остались здесь, вторую родину нашли... Казахстан многих приютил»²⁴.

С русскими людьми, занесенными нелегкой судьбой в Казахстан, проникали сюда и открывались казахским детям шедевры русского искусства. Пусть не в оригиналах, а в вырезанных из журнала «Огонек» репродукциях «Незнакомки», «Демона сидящего», «Всадницы», «Царевны Лебедь», которые хранились в деревянном сундучке под кроватью Шуры, у которой «голод и война... отобрали близких»²⁵.

Приходит в Казахстан и оттепель: в городском саду — встреча с писателем М. Ауэзовым, автором широко известного романа о знаменитом казахском поэте и мыслителе Абае Кунанбаеве. На эту встречу отец приводит своего маленького сына, который больше озабочен, успеют ли они купить хлеб в магазине. Символично, что книжка «Путь Абая» с автографом автора лежит в сетке-авоське вместе с «двумя свежими буханками хлеба»²⁶. Хлеб нужен человеку для поддержания жизни — но что жизнь физическая без пищи духовной?

²⁴ Доронин Г. День рождения. https://rus.azattyq.org/a/GULAG_closed_50_years_ago/1938789.html (дата обращения: 24.12.2023 г.).

²⁵ Там же.

²⁶ Кананьянов Б. За хлебом // Мегалог. 2010. № 3. С. 242.

Важной составляющей «казахстанского» локального текста являются отсылки к фольклорно-мифологическим образам и сюжетам. При этом идеологически ориентированные советские мифы не могут конкурировать с мифами казахскими, уходящими своими корнями на Древний Алтай, прародину тюрков. Так, архетипические представления казахов о бессмертии души связаны с понятием «аруах». «Аруахи почитались кочевниками вторыми по значению после Тенгри»²⁷, верховного божества древних тюрков. Аруах — душа умершего человека (часто родственника), которая покровительствует живущим людям. В своем рассказе «Мой зеленоглазый аруах» Светлана Назарова в уста молодого человека вкладывает трогательный и искренний рассказ о бабушке, которая не только стала его заступником «там, в неведомом мире», но и всегда была его аруахом, «надежным, самым любимым, лепившим его душу»²⁸. В мифологических представлениях казахов особое место занимают священные растения и деревья, которые одушевляются, например, цветок адраспана, который считался способным отпугивать злых духов, или карагач, сильное, живучее дерево, почитаемое казахами. Свойственный тюркской мифологии культ волка лег в основу рассказа М. Черновой «Кунсулу»²⁹, где в качестве паттернов выступают прежде всего «говорящие» имена героев: Каскырбек — Волк-господин, Кунсулу — Красивая как Солнце, Равная Солнцу, Сункар — Сокол, Кумис — Серебро. Дыхание мифа помогает людям выживать в драматичных обстоятельствах, возвышает их над обыденностью, привносит в их жизнь ощущение причастности к вечности.

Заключение

Казахстанский локальный текст на материале выбранных рассказов убедительно отражает изменения в ментальности казахстанцев в эпоху обретения их родиной суверенитета. Встреча культур в зоне культурного пограничья (национальной / казахской и советской) демонстрирует очевидную социокультурную динамику: возврат к национальным истокам, но уже на новом цивилизационном уровне (опыт истории не проходит бесследно).

Исследование текстов продемонстрировало устойчивость паттернов, отражающих национальную картину мира казахов: традиционная культура отношений между людьми, традиционный быт, нравы, сила верований, мифология. Паттерны, демонстрирующие привнесенное, советское

²⁷ *Жанайдаров О.* Мифы Древнего Казахстана. Алматы: Аруна, 2008.

²⁸ *Назарова С.* Мой зеленоглазый аруах // *Отчий край*. 2014. № 4 (84). С.134.

²⁹ *Чернова Н.* Кунсулу // *Простор*. 2016. № 10. С. 77–84.

в жизнь страны, как правило, свидетельствуют о лишь частичном принятии этого нового и отторжении того, что было навязано республике и причинило ей вред (например, Семипалатинский полигон). Особую нагрузку несет противостояние паттернов город и деревня / аул, которое имеет мало общего с противостоянием города и деревни в прозе писателей-деревенщиков. В анализируемых рассказах это именно советский город, какой можно было встретить в любой республике, входящей в СССР, а деревня — именно казахский аул с его устоявшимися нормами существования. В результате исследования текстов был сделан вывод о том, что данные рассказы отражают реальную тенденцию в развитии современного, суверенного, Казахстана: избавление от советского диктата и возврат к традиционным ценностям.

Список литературы

1. Гусейнов Г. Русское, советское и иное в постсталинском национальном дискурсе: предварительные заметки // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 386–397.
2. Андреева А.А. Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 108–113.
3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003.
4. Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина. СПб: Свое издательство, 2016.
5. Яценко И.И. Паттерны русской / советской культуры в художественном тексте как объект анализа в иностранной аудитории // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2020. № 4 (4). С. 9–17.
6. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Локальные тексты в русской литературе: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022.
7. Шафранская Э.Ф. Билингвизм туркестанского текста в русской литературе XIX–XX вв. // Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е.А. Журавлёва. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019. Стр. 189–197.

References

1. Guseinov, G. 2017. “Russian, Soviet and other in the post-Stalin national discourse: preliminary notes”. *Novoje literaturnoje obozrenie* 2: 386–397. Print. (In Russ.).
2. Andreeva, A.A. 2017. “Borderland in the context of the idea of cultural-historical epistemology”. *Bulletin of Kalmyk University* 35 (3): 108–113. Print. (In Russ.).
3. Toporov, V.N. 2003. *Petersburg text of Russian literature: Selected works*. Saint Petersburg: «Iskusstvo — SPB». Print. (In Russ.).
4. Shafranskaya, E.F. 2016. *Turkestan text in Russian culture: Colonial prose by Nikolai Karazin*. Saint Petersburg: Svoio izdatelstvo. Print. (In Russ.).
5. Yatsenko, I.I. 2020. “The russian / soviet culture literary text patterns as an object of analysis by foreign students”. *Professorskiy zhurnal. Seria: Russki yazyk i literature* 4 (4): 9–17. Print. (In Russ.).
6. Shafranskaya, E.F., Garipova G.T. 2022. *Local texts in Russian literature: training manual for higher education institutions*. Moscow: Yurait. Print. (In Russ.).

7. Shafranskaya, E.F. 2019. Bilingualism of the Turkestan text in Russian literature of the 19th-20th centuries. In.: Text in teaching Russian language and literature: materials of the international scientific conference, edited by E.A. Zhuravliova. Nur-Sultan: ENU named after L.N. Gumiliov. 189–197. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Яценко Ирина Иосифовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: irinayat@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1215-9919
eLibrary SPIN-code: 9721-3137

Яценко Антонина Владимировна — кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: antonina_yatsenko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-8830-7783

Bio Notes:

Irina I. Yatsenko is a PhD, Associate Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: irinayat@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1215-9919
elibrary SPIN-code 9721-3137

Antonina V. Yatsenko is a PhD, lecturer, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: antonina_yatsenko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-8830-7783